

УДК 001.18 : 82

МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ "ГАЛАПАГОСЫ" К. ВОННЕГУТА

О. С. Ратникова

Тверской государственной университет, г. Тверь

Анализируется специфика футурологической модели в романе-антиутопии «Галапагосы» К. Воннегута в социо-культурном контексте XX века. Исследование включает такие аспекты, как изменение структуры жанровых доминант антиутопии, переосмысление пессимистических прогнозов развития цивилизации, сочетание идей социального дарвинизма и биологической эволюции, семантика пространственно-временных форм. Рассматривается позиция автора романа по отношению к проблемам контроля над обществом в различных сферах жизнедеятельности.

***Ключевые слова:** антиутопия, жанровые доминанты, социальный дарвинизм, потребление, цивилизация, футурологический прогноз.*

Говоря об эволюции в антиутопии в «Галапагосах» Курта Воннегута», постараемся раскрыть специфику этого романа, как достаточного позднего по отношению к классическим произведениям (антиутопии «Мы» Ев. Замятина (1920), «О дивный новый мир» О. Хаксли (1932), «1984» Дж. Оруэлла (1949), «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери (1953)).

В произведениях жанра антиутопии, на наш взгляд, наиболее явственно прослеживается влияние двух культур-философских систем, определяющих сознание западного человека новейшего времени: социального дарвинизма и христианства.

Антиутопия Воннегута – не «социалистический ад» репрессивного режима и не «царство антихриста» в христианском понимании. Социальный дарвинизм и религиозные эсхатологические представления о «последних временах» в «Галапагосах» трансформируются в более универсальные концепции естественной эволюции, с присущей ей беспощадностью и зависимостью от случая, и гуманизма, как высшей духовной ценности.

«Социальный дарвинизм – вера не менее наивная, чем христианство» [3, с.493] пишет Воннегут, но несомненно вера и не менее устойчивая, представляющая реальную опасность духовным ценностям и ведущая к разрушению культуры. Как идеология и духовная основа общества, она не менее страшна, чем тоталитарные, репрессивные режимы.

Социальный дарвинизм у Воннегута представлен не только как трагедия отдельной личности в жестокой, обусловленной экономически, борьбе за выживание. Отсутствует противопоставление личности и цивилизации: их уничтожают сходные экономические и биологические болезни. В романе параллельно с умирающим от рака мозга Роем Хэпберном описывается город Илиум, погибающий от «процессов, губительных для здоровья и счастья людей» [1, с.84]. Целые страны, обанкротившись, умирают голодной смертью, не выдержав конкуренции.

В романе нет социального деления персонажей, типичных представителей экономических классов или психологических типов: все люди равны как с позиции биологии, так и с позиции гуманизма, этих доминант воннегутовского повествования. Среди доминирующих мотивов классических антиутопий – управляемость, характерная для тоталитарного общества и особо близкая к коммунистическому устройству [4, с.51]. (Вспомним «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, где новые святые – это Ленин и Маркс, Генри Форд, Фрейд и Павлов, открывшие и разработавшие способы подчинения человеческой жизни во всех ее сферах: от физиологии до социального взаимодействия [5, с. 143]) . У Воннегута же механизмы сдерживания и управления обществом не функциональны, цивилизация является сложной моделью с явной хаотической, непредсказуемой составляющей: наряду с казуальными связями здесь властвует его величество случай.

Игру эволюции, в которой, по Воннегуту, роль случайности не менее важна, чем законы естественного отбора, можно рассматривать как переосмысление евгеники, которая представляет собой разворот от социального дарвинизма к биологическому. Возможность государственного контроля над воспроизведением человеческого рода, выведение породы генетически совершенных людей, становится одним из футурологических страхов общества и Воннегут переосмысляет эту гипотезу, с присущей ему иронией, в иной логике. Прародители нового человечества определяются цепочкой абсолютно непредсказуемых обстоятельств, их генетические особенности – результат случайности, а не разумной селекции. В роли «контролера» развития человека как вида выступает не государство, а касатки и акулы-людоеды. Те же хищники, кстати, охраняют и границы нового «рая» не хуже ангелов-хранителей, не выпуская потомков людей с Галапагосов к материку, где их поджидает приводящая к бесплодию болезнь, приведшая к вымиранию цивилизованного человечества.

Победы технологий и вызванных их неправильным использованием катастроф, еще одного общего места многих футурологических концепций, в «Галапагосах» не происходит, потому что природа оказывается сильнее и за несколько лет практически уничтожает человечество, климатические катаклизмы и патологические

микроорганизмы оказываются наиболее сильным и эффективным оружием. С мотивом «совершенства» технологий связан и такой элемент сюжета, как создание и использование сверхмощного портативного компьютера, «Мандаракса». «Гениальное изобретение» оказывается единственным техническим аппаратом, сохранившимся после «конца света», но «в тех конкретных обстоятельствах толку от него было немного» [1, с.63].

В основном корпусе антиутопий утверждается ценность прошлого и настоящего культуры в противовес негативному описанию реализованной модели будущего. Например, в первом романе-антиутопии самого Воннегута «Механическое пианино» (1952) главный герой, доктор Пол Протеус, тоскует о «лучшем мире», где технологии еще не разрушили привычную жизнь и традиционную систему ценностей американцев [2, 141]. В «Галапагосах» же, напротив, автор делает акцент на том, что будущее падение цивилизации уже заложено в ее современном состоянии.

Пространственно-временная структура романа так же является уникальной для жанра и семантически наполненной. Здесь нет фантастических городов будущего (как в «Мы» Замятина), отсутствует оппозиция дикого и цивилизованного пространства (как в упомянутом выше произведении и в «...Дивном новом мире» Хаксли). Действие разворачивается в реально существующих географических локациях, при этом пространство по мере развития сюжета постоянно сужается: в первой части герои, жившие в разных частях света, собираются в маленьком портовом городе Гуаякиле, затем случай переносит их на еще более скромный по размерам островок Санта Розалия. Территория обитания всех последующих поколений людей ограничивается архипелагом, тогда как остальной земной шар обезлюдел из-за войны, голода и болезни.

В финале же мир романа, через миллион лет, пространство сосредотачивается в «голубом тоннеле, ведущим в загробную жизнь», куда вот-вот шагнет призрачный герой Лео Траута, от лица которого и велось повествование о новой человеческой истории, последний носитель языка и сознания, которое может быть определено как человеческое.

Время в «Галапагосах», напротив, расширяется – сюжетобразующие хронологические отрезки растягиваются от нескольких минут в начале повествования до тысячелетий в финале. Таким образом мы видим трансформацию хронотопа человеческой истории от глобализованного пространственно цивилизованного мира и высокой, перенасыщенной событийно временной динамики к локализации, похожей скорее на ареал обитания животного и замедлению времени, его переход от историчности к простому повторению биологических циклов.

Кроме того, «точка невозврата», превращающая приближенный к реальному художественный мир произведения в антиутопический, поставлена Воннегутом не в абстрактное «прошлое в будущем»: от даты написания романа ее отделяют лишь несколько месяцев. Автор показывает не сложившийся мир будущего, а его становление, описывая, весьма правдоподобно, возможные причины крушения цивилизации. Вместе с использованием реальных географических точек, научных фактов, исторических персоналий это создает эффект объективности повествования, да и сам Воннегут иронически поддерживал иллюзию точного футурологического прогноза обещая «Вернуть деньги, если он не реализуется».

С другой стороны, в тексте много диалогового компонента, игры с читателем (например, помещение астерисков около имени героев, которым предстоит скорая смерть). А использование образа героя-призрака в качестве рассказчика – не просто элемент «ненаучной фантастики», оно делает нарратив действительно постмодернистским, написанным нигде, никогда и ни для кого.

Если романы – антиутопии первой половины XX века условно названы одним из их исследователей (В. Чаликовой) текстами о том «как плохо может быть, если будет хорошо» [6, с.113], «Галапагосы» зеркально переворачивают эту схему, конструируют антиутопию «наоборот»: «как может быть хорошо, если будет плохо».

Игра Воннегута со временем, пространством, научными и нравственными категориями подсказывает вопрос скорее не риторического, а парадоксального толка: какая модель мира является действительно воплощением антиутопических представлений: невинное сообщество пост-людей, больше напоминающих тюленей, к которому привел миллион лет эволюции после разразившейся планетарной катастрофы, или предшествующая ей «эра многообещающих монстров <...> со всеми чудовищными атрибутами <...> переведенными из плоскости телесной в моральную»[1, с. 174].

Список литературы

1. Воннегут К. Галапагосы. М.: АСТ, 2010. 288 с.
2. Воннегут К. Механическое пианино. М.: АСТ, 2009. 352 с.
3. Воннегут К. Судьбы хуже смерти: Биографический коллаж // Курт Воннегут. Собр. соч. в 5 томах. М.: «Старт», 1993. Т.5. С. 483-544.
4. Рабинович В.С. Утопия и антиутопия XX века: опыт интерпретации // Филологический класс. Екатеринбург: УрГпу, 2003. №9. С. 49-53
5. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2010. 288 с.
6. Чаликова В.А. Утопический роман: жанровые и автобиографические источники современных антиутопий и дистопий // Социокультурные утопии XX в.: Реф. сб. Вып. 3. М.: ИНИОН, 1985. С. 92-166.

MODEL OF THE FUTURE IN THE DYSTOPIAN NOVEL “GALAPAGOS” BY K.VONNEGUT

O.S. Ratnikova

Tver State University, Tver

The article analyses the futurological model of dystopian novel "Galapagos" by K. Vonnegut in the socio-cultural context of the XX century. The study includes such aspects as changes in the structure of dystopian genre, redefining the pessimistic forecasts of civilization, a combination of the ideas of social Darwinism and biological evolution, the semantics of space-time forms. The research considers the position of the novel's author in relation to the problems of social control in various spheres of life, historical allusions to totalitarian regimes. Methodological base of the work is a structural and comparative analysis of the novel.

Keywords: *dystopia, the genre dominants, social Darwinism, consumption, civilization, futurist outlook.*

Об авторе:

РАТНИКОВА Ольга Сергеевна – аспирантка кафедры теории литературы Тверского государственного университета. E-mail: darkesteyes@yandex.ru

About the author:

RATNIKOVA Ol'ga Sergeevna – is a Ph.D. student of the Dept. of Theory of Literature, Tver State University, Tver. E-mail: darkesteyes@yandex.ru

References

1. Vonnegut K. Galapagosy. M.: AST, 2010. 288 s.
2. Vonnegut K. Mehanicheskoe pianino. M.:AST, 2009. 352 s.
3. Vonnegut K. Sud'by huzhe smerti: Biograficheskij kollazh // Kurt Vonnegut. Sobr. soch. v 5 tomah. M.: «Start», 1993. T.5. S. 483-544.
4. Rabinovich V.S. Utopija i antiutopija XX veka: opyt interpretacii // Filologicheskij klass. Ekaterinburg: UrGpu, 2003. №9. S. 49-53
5. Haksli O. O divnyj novyj mir. M.: AST, 2010. 288 s.
6. Chalikova V.A. Utopicheskij roman: zhanrovyje i avtobiograficheskie istochniki sovremennyh antiutopij i distopij // Sociokul'turnye utopii HH v.: Ref. sb. Vyp. 3. M.: INION, 1985. S. 92-166.
- 7.